

УДК 904:911.373(470.51)(045)

*Е.М. Черных***ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШИХ ДЕРЕВЕНЬ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ШАРКАНСКОМ И ВАВОЖСКОМ РАЙОНАХ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2014–2016 ГОДАХ**

В публикации кратко представлены результаты полевых исследований, проведенных в двух административных районах Удмуртии – Шарканском и Вавожском. Задачи, стоявшие перед археологами (выявление памятников археологии и оценка их сохранности и возможностей использования в туристско-рекреационных целях) существенно различались в начале работ, но максимально сблизились в финале. Незапланированным итогом исследований явилось обращение к феномену исчезающих деревень и тесно связанному с ними институту социально-исторической памяти. В сельской местности жители остро воспринимают потерю родного крова, своих корней. В то же время ведется усиленный поиск форм и механизмов выживания, сохранения этнического лица, самоидентичности. Многоплановое обращение к выявлению, изучению и сохранению культурного наследия, частью которого, несомненно, является культура жизнеобеспечения в широком смысле и деревня как исторический факт – в узком, могло бы в нынешних непростых условиях стать основой значимого социокультурного проекта.

*Ключевые слова:* история и культура удмуртской деревни, экспедиционная деятельность, методы полевых исследований, этноархеология, историко-культурное наследие, туризм.

Историки Удмуртии еще не успели изучить все аспекты недавнего прошлого нашего края, а уже нависла угроза утраты таких важных элементов традиционной культуры, как поселения и жилища, быт удмуртской деревни как «уходящей натуры». XX век по праву можно было бы назвать прорывным в изучении этнической истории и культуры удмуртского народа, в чем решающую роль сыграли этнографы. Вторая половина столетия прошла, по большей части, под знаком археологии. Очень скоро, правда, стало очевидным, что возможности удмуртской этнографии объективно ограничены степенью сохранности источников, не простирающихся глубже XVIII в. Археологическое же изучение прошлого удмуртского народа, по сложившейся традиции, ограничивается эпохами древности и средневековья, что позволило В. Е. Владыкину афористично назвать хронологическую лауну «темными веками» удмуртской истории. Вместе с тем у нас есть и хороший опыт интеграции обеих дисциплин, что уже удалось реализовать, например, усилиями Н. И. Шутовой и ее соавторов, в работах по исследованию сакрального пространства Камско-Вятского междуречья [7; 23; 24].

Со стремительно уходящей «натурой» сталкивались все специалисты, выезжающие сегодня в «поле». Запасники «бабушкиных сундуков», увы, истощаются. А разработки специальных тематических программ сохранения, изучения и популяризации историко-культурного наследия Удмуртии катастрофически запаздывают. Они предполагают долговременный и, безусловно, комплексный характер, требующий привлечения специалистов из разных научных сфер. Традиционная культура удмуртов – глубоко деревенская, поэтому тема исчезающей удмуртской деревни, безусловно, приоритетна.

В 2014–2015 гг. сотрудники Камско-Вятской археологической экспедиции УдГУ проводили полевые исследования в Шарканском и Вавожском районах УР, в ходе чего тема фиксации исторических деревень обозначилась особенно отчетливо. Отыскать деревню, исчезнувшую с карты даже в недавнее время, оказывается не так-то просто. Ландшафт многих районов Удмуртии за последние 30–40 лет поменялся порой кардинально. Заросшие лесом урочища могут показать далеко не все уроженцы тех мест, а молодежь и вовсе не ведает. Краеведов уровня А. И. Пудова (Увинский район) сегодня можно пересчитать по пальцам [10].

Внимание дореволюционной историографии к истории расселения удмуртов в новое время можно назвать эпизодическим. Так, у А. А. Спицына находим, что на Вале и Кильмези, до того «нигде не занятых и покрытых дремучими лесами», удмурты появляются, очевидно, под давлением русских и черемисов (марийцев) незадолго до XV в. [14. С. 96]. При Тутое\* и нескольких его преемниках валинские удмурты жили «в шалашах, изб не строили, чтоб в случае бегства терять как можно меньше»; основным типом поселений были не деревни, а одворицы – «где кто расчистил кулигу, тот

\* Легендарный предводитель удмуртов, предания о котором были записаны Б. Гавриловым в кон. XIX в. среди удмуртов д. Бия Малмыжского уезда Вятской губернии (нынешний Вавожский район УР. – прим. авт.).

там и жил» [14. С. 97]. На территории современного Шарканского района А. А. Спицын указал ряд городищ и отдельных находок, безусловно, заслуживающих внимания и, по всей вероятности, связанных с разрушенными могильниками или «чуждскими» селищами [14. С. 126].

Но внимание археологов к историческим удмуртским поселениям (*вужгуртам*) наметилось лишь в 20-е гг. XX в. Археологические исследования в Вотской автономной области (ВАО) в этот период, за неимением сил и средств, проводились, главным образом, энтузиастами краеведения либо специалистами, приглашенными из центральных учреждений России. Так, интереснейшие сведения об археологических и палеонтологических находках, в том числе позднеудмуртских, на территории Удмуртии были опубликованы Ф. В. Стрельцовым в трудах Научного общества по изучению Вотского края (НОИВК) за 1927 и 1928 г. [15; 16]. По приглашению того же общества в 1931 г. археологические исследования в Шарканском районе проводил научный сотрудник Государственного Исторического музея (Москва) Алексей Петрович Смирнов [2]. Перед экспедицией была поставлена задача целенаправленного изучения памятников X–XVI вв. [8. С. 19], в результате чего были проведены небольшие раскопки на обоих Ляльшурских кладбищах (9 и 27 погребений, соответственно). Новым для местной археологии оказался также интерес ученого к остаткам удмуртских *вужгуртов* и *гучинов*. Около деревень Богданово и Ляльшур, на пахоте, участниками экспедиции были собраны обломки сосудов, кости, отдельные вещи и русские монеты. Разведочными траншеями раскапывалось Едыгронское (Табаневское) селище *Гучингурезь*, где расчищены нижний венец дома и хозяйственная яма [5. С. 88–89]. В 1936 г., теперь уже по приглашению Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры, А. П. Смирнов вновь проводит работы в Удмуртии, на этот раз в южных и западных районах. За один полевой сезон его экспедиции удалось найти и исследовать 73 памятника археологии, в т. ч., 8 селищ и 9 кладбищ XIV–XVIII вв. – в Вавожском районе республики [1. Ф. 496. Д. 5, 11]. В статьях довоенного периода исследователь сформулировал ряд выводов, касающихся проблемы заселения удмуртами междуречья Камы и Вятки: о том, что освоение удмуртскими родами бассейна р. Вала следует относить ко II тыс. н. э.; об относительно поздней датировке местных поселений; о малодворности удмуртских селений (не более 3–5 дворов) и малосодержательности культурного слоя на них [12. С. 191–194; 13. С. 111–112].

В 1950–60-х гг. эти едва начатые исследования продолжил сотрудник сначала республиканского краеведческого музея, а затем Удмуртского НИИ истории, языка и литературы Владимир Алексеевич Семенов. В Шарканском районе ему удалось обследовать три поздних удмуртских кладбища: Кайсагуртский, Нижне- и Верхнекорякинские; в Вавожском – Большеволковское селище Гучин и Большеволковский Вужшай [11. С. 31].

Настоящее открытие поздних памятников пришлось в удмуртской археологии на последние два десятилетия XX в. Исследования проводились экспедициями Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, Республиканского краеведческого музея (ныне – НМ УР им. Кузуба Герда) и Удмуртского госуниверситета. В фокусе внимания археологов были главным образом позднеудмуртские могильники и культовые места. В Шарканском районе Н. И. Шутова провела раскопки Кайсагуртского могильника XVII – нач. XVIII вв. [22. С. 131], О. М. Мельникова и И. Г. Шапран – Табаневского (Едыгронского) могильника [3]. В Вавожском районе ими раскапывались Чужьяловский, Большедокьянский I (Малиновский) и II могильники [22. № 5, 55; 21. С. 112–123]. В 1993–1999 гг. Н. И. Шутова провела комплексное археолого-этнографическое обследование ряда культовых объектов Камско-Вятского междуречья [23], но поселений оно практически не коснулось.

Таким образом, история археологического изучения следов расселения удмуртов в пределах современной Удмуртии насчитывает почти 100 лет. Она характеризуется интересными открытиями, но говорить о полноте наших знаний об этом важном с точки зрения этнической истории периоде пока нельзя. Прежде всего, рано говорить о полноте археологического обследования указанных районов. Если сравнить карты поздних удмуртских могильников и соответствующих им поселений (которые до сих пор никем не составлялись, насколько это нам известно), прорехи наших знаний о совсем недавнем прошлом становятся наглядными. В полной мере актуальным остается выявить старые поселения на местности, тщательно обследовать территории самих исторических поселений, чтобы установить степень сохранности культурного слоя и предметов материальной культуры. Делать это необходимо и важно, поскольку все известные на сегодняшний день языческие могильники XVII–XVIII вв. в пределах обоих районов удачно корреспондируются с первыми историческими свидетельствами об удмуртах, их численностью и характером расселения [4. С. 113–120]. Эти территории (многие в границах республики, где коренное население – удмурты) до сих пор сохраняют за собой

численное преимущество, а также приверженность к традиционным сельскохозяйственным занятиям; сохраняется в них и устная традиция, прежде всего, предания о древних родах.

Шарканский район, на территории которого находится природный парк «Шаркан», активно позиционирует свои возможности в сфере развития внутреннего и въездного туризма. Уже зарекомендовал себя бренд «родины удмуртского Деда Мороза». Работы на территории ПП «Шаркан» мы начали в 2014 г., по приглашению дирекции природного парка. Знакомство с территорией, местным краеведческим музеем и энтузиастами местного краеведения позволило нам определить характер и вектор поисковой деятельности. Первоначально нацеленные на поиск «классических» памятников древности, наши усилия неожиданно «повернулись» к изучению удмуртских деревень XVI–XIX вв. Ознакомление с историей заселения территории по картам и письменным источникам показало, что большинство из известных здесь удмуртских поселений по-прежнему существует, но есть бесследно (или почти) исчезнувшие. Вопрос о постановке их на учет как объектов историко-культурного наследия даже не ставился\*. Эти наблюдения в полной мере справедливы и для Вавожского района.

В ходе целенаправленного обследования старых удмуртских поселений (дер. Большой и Малый Билиб, Пислегово, урочища Кион-Липето, Бадярвыр, Нижняя Сюрзя в Шарканском районе; дер. Нижнеюсский Гучин-Перепечи, Малиновское, Биинский Гучин, Нюрдор-Котья – в Вавожском) выполнялись, прежде всего, задачи топографического описания объектов (привязка к водоемам и существующим населенным пунктам, особенностям рельефа); съемки ситуационного плана местности с легко находимыми ориентирами и спутниковым координированием; фотофиксации объектов и рабочих процессов. При необходимости, исследовался культурный слой (зачистки обнажений, шурфовка, рекогносцировочные раскопки); последующая интерпретация полученных данных. Параллельно собиралась всесторонняя информация о населенном пункте (планировка поселения, количество улиц, расположение усадеб, количество и состав жителей, время существования деревни и постройки домов, конструктивные особенности домов и др.), и о бывшем, и о существующем до сего дня.

Поражают темпы исчезновения прежде многочисленных деревень, время возникновения которых в этом регионе уходит в глубины малоизвестного в истории удмуртов периода (XVI–XVII вв.) и надежно связано с формированием новой системы расселения удмуртских родо-племенных групп [19. С. 74–75; 20. С. 89]. Новые обстоятельства обусловили выбор новых для экспедиции подходов и методов; привлечение самого широкого круга источников – документальных, этнографических, устных. В полевых и камеральных условиях такой подход требует владения источниковедческими приемами, присущими археологии и другим наукам (этнографии, социологии): этнографические наблюдения, проведение опроса среди местных жителей, верификация этнографической информации письменными документами и материалами раскопок. О трудностях, с которыми приходится сталкиваться в ходе таких исследований, говорит хотя бы то, что в поиске 14 известных по разведочным работам пер. пол. XX в. в Вавожском районе *вужгуртов* нам удалось отыскать и нанести на современные карты только 8.

Тем не менее, выбранная методика позволила зафиксировать основные общие и специфические черты в расположении объектов, в строительстве жилых и хозяйственных комплексов, собрать предметы материальной культуры. А после рекогносцировочных раскопок участка усадьбы в д. Бадярвыр Шарканского района определились основания для более уверенного моделирования процесса археологизации «живой» культуры в данном районе (известны годы забрасывания усадьбы, характер ее планировки, имя последнего владельца и т. д.).

В последние годы в России целенаправленно формируется новое для отечественной науки направление – этноархеология. Одна из основных проблем этноархеологических исследований – это изучение процесса археологизации, то есть выявления и исследования особенностей материального производства на всех его этапах, процесса «умирания материальной культуры» после ее выхода из употребления [17. С. 14]. Исследование же процессов археологизации еще недавно функционировавших поселений – важное условие археологических реконструкций древнего домостроительства [18. С. 168–171]. Археологизация объектов материальной культуры связана, прежде всего, с особенностями формирования культурного слоя, на который действуют самые различные факторы: сезонная направленность по-

---

\* В соответствии с дополнениями, внесенными в Федеральный закон № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», старинные деревни и исторические поселения, культурный слой которых «содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает 100 лет, включающий археологические предметы» (ст. 3), вполне подпадают под определение объектов культурного (археологического) наследия и подлежат государственной охране. Мы не касаемся здесь собственно механизмов выявления и постановки на государственный учет таких объектов, поскольку это проблема отдельная.

селений, время эксплуатации, количество и половозрастной состав жителей, конструктивные особенности жилищ и хозяйственных построек и т. д. Все эти особенности, обнаруживаемые в раскопах, пока еще мы можем перепроверить, беседуя с бывшими жителями этих населенных пунктов.

Такой подход напрямую связан с общегосударственной проблемой выведения наследия (археологического в том числе) из сферы узкопрофессиональных интересов ученых на уровень формирования в общественном сознании интереса и уважения к собственным древностям, популяризации наследия как реального культурного фундамента национальной истории. Так, после близкого знакомства с территорией ПП «Шаркан» нам представляется, что идея создания на основе одной из исчезнувших деревень музея под открытым небом не столь уж фантастична. Более того, она могла бы оказаться вполне жизнеспособной, при условии, что это будет **средовый** музей, музей **живой** среды [6. С. 85–100]. Такой музей существенно расширил бы возможности для развития в природном Парке различных форм работы с посетителями (культурно-познавательный туризм, экотуризм).

В самом районе уже существуют ресурсы для диверсификации такой деятельности: краеведческий музей, школьный музей, активное сообщество местных краеведов, центр народных ремесел, опыт в организации школьных и молодежных лагерных смен. Археологическая составляющая данного проекта, без сомнения, может занять длительный период, в течение которого ученые организуют и проводят стационарные раскопки на территории деревень. Но это не снижает интереса к реализации проекта, поскольку открывает реальные перспективы для привлечения туристов, готовых к активному отдыху, к участию в раскопках, к, своего рода, «включенному (или «*участвующему*», по Б. Малиновскому, наблюдению»). Раскопки на месте деревни могут стать и дополнительным институтом занятости местного населения в течение летних месяцев. Материалы раскопок позволят регулярно пополнять фонды и экспозиции местных краеведческих музеев. В сентябре 2016 г., после наших работ в течение двух полевых сезонов, в краеведческом музее с. Шаркан была открыта новая экспозиция, посвященная местной археологии, так что горизонт исторического прошлого для жителей района был раздвинут на три-четыре столетия назад. Еще одна страничка истории и культуры удмуртов XVI–XIX вв. стала доступной для чтения благодаря иллюстрированному изданию, подготовленному археологами на материале богатейшей коллекции медных и серебряных украшений удмуртов, собранной местными любителями и безвозмездно переданной ими в фонды музея [9].

На территории одной из деревень в перспективе возможно создание экспериментального пространства с реконструированными приспособлениями и орудиями местных крестьян, предназначенными для земледелия, охоты, ткачества, плетения и т. д. Наша работа с артефактами, полученными в ходе исследований, наглядно показала, как стремительно вымывается этот слой культуры из нашего обихода и сознания. Так что можно было бы решать ряд важных образовательных и познавательных задач через: 1) совместные этнографические и археологические исследования удмуртской деревни; 2) реконструкции древних и традиционных сооружений; 3) экспериментальные работы в области древних и традиционных технологий; 4) включение археологического и этнографического наследия удмуртов в сферу туризма.

Для открытия соотечественникам малоизвестных и увлекательных подробностей древней и новой истории их родины хороши все усилия: от экскурсионных маршрутов и музеев под открытым небом до полномасштабной реконструкции повседневной жизни древних эпох. Но для реализации проектов подобного масштаба необходима планомерная и кропотливая работа на всех уровнях: от полевых исследований, дающих необходимый для работы материал, – до последовательной и грамотной реализации политики региональных властей, направленной на сохранение и популяризацию исторического наследия народов Удмуртии.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ).
2. Смирнов А. П. Отчет Удмуртской экспедиции секции археологии ГАИС и ГИМ за 1931 год // Архив НМУР им. К. Герда. Д. 1003.
3. Бодалева М. Н. Памятники истории и культуры Шарканского района Удмуртской Республики как источник по изучению края. Ижевск; Шаркан, 2010.
4. Гришкина М. В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976.
5. Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртской Республики. Ижевск, 2004.

6. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012.
7. Культовые памятники Камско-Вятского междуречья: материалы и исследования: сб. ст. Ижевск, 2004.
8. Останина Т. И. Археологические исследования А. П. Смирнова на территории Удмуртии // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.
9. Перстни удмуртов XVI–XIX вв. (каталог коллекции в собрании Шарканского краеведческого музея). Ижевск, 2015.
10. Пудов А. И. История увинских деревень: учеб. издание. Ува, 2000.
11. Семенов В. А. К истории археологических исследований в Удмуртии // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.
12. Смирнов А. П. Памятники феодального строя среди удмуртов (IX–XIII вв.). Отчет археологической экспедиции по изучению реки Вятки // Записки УдНИИ. Ижевск, 1937. Вып. 7.
13. Смирнов А. П. Обследование р. Валы // Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.
14. Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М., 1893. Вып. 1.
15. Стрельцов Ф. В. Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской автономной области // Труды НОИВК. Ижевск, 1927. Вып. 3.
16. Стрельцов Ф. В. Археологические памятники и палеонтологические находки Вотской автономной области // Труды НОИВК. Ижевск, 1928. Вып. 5.
17. Томилов Н. А. Этноархеология как научное направление / Лекции из курса «Введение в этноархеологию» (для студентов историч. фак-ов вузов). Омск, 1999.
18. Черных Е. М. Археологическое и этнографическое изучение удмуртского жилища: пути интеграции // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Новосибирск; Омск, 2008.
19. Чураков В. С. Влияние политики Великих князей Московских в отношении каринских Арских князей на формирование этнической территории удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2.
20. Чураков В. С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2.
21. Шапран И. Г. Малиновский могильник XVI–XVII вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987.
22. Шутова Н. И. Удмурты XVI – пер. пол. XIX в: по данным могильников. Ижевск, 1992.
23. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.
24. Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: коллект. монография. Ижевск, 2009.

Поступила в редакцию 12.10.16

*E.M. Chernykh*

**FOLLOWING THE DEFUNCT VILLAGES: SOME RESULTS OF THE FIELDWORKS  
OF ARCHEOLOGISTS IN THE SHARKAN AND VAVOZH DISTRICTS IN UDMURTIA IN 2014–2016**

The publication summarizes the results of archaeological fieldwork conducted in two administrative districts of the Udmurt Republic – the Sharkan and Vavozh districts. The tasks facing the scientists – the identification of archeological sites and assessment of their conservation and use of opportunities in tourism and recreational purposes – were significantly different at the beginning of the work, but they became very similar in the end. The phenomenon of disappearance of villages and the closely associated institution of social and historical memory were addressed as an unplanned result of the studies. In the countryside the people quite acutely perceive the loss of their native homes and their roots. At the same time, they search intensively for forms and mechanisms of survival and preservation of their ethnic identity. A multifaceted approach to the study, identification and preservation of cultural heritage, part of which is the culture of life-support in the broad sense and the village as a historical phenomenon in the narrow sense, could become a basis for a successful social and cultural project under the current difficult conditions.

*Keywords:* history and culture of the Udmurt villages, expedition activities, methods of fieldworks, ethnoarchaeology, historical and cultural heritage, tourism.

Черных Елизавета Михайловна,  
кандидат исторических наук, доцент, профессор  
кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»  
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Удмуртская, 1 (корп. 2)  
E-mail: emch59@mail.ru

Chernikh Ye.M.,  
Candidate of History, Associate Professor, Professor  
at Department of the History of Udmurtia,  
Archaeology and Ethnology  
Udmurt State University  
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034  
E-mail: emch59@mail.ru